

Интернет-журнал «Отходы и ресурсы» <https://resources.today>
Russian Journal of Resources, Conservation and Recycling

2025, Том 12, № s3 / 2025, Vol. 12, Iss. s3 <https://resources.today/issue-s1-2026.html>

URL статьи: <https://resources.today/PDF/10FAOR325.pdf>

DOI: 10.15862/10FAOR325 (<https://doi.org/10.15862/10FAOR325>)

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Кочетов, Д. С. Эффективность экономических стимулов в преодолении демографического кризиса: сравнительный анализ опыта России и зарубежных стран / Д. С. Кочетов, Т. Х. Досаев, Э. Х. Досаев // Отходы и ресурсы. — 2025. — Т. 12. — № s3. — URL: <https://resources.today/PDF/10FAOR325.pdf>. DOI: 10.15862/10FAOR325.

For citation:

Kochetov D.S., Dosayev T.Kh., Dosayev E.Kh. Effectiveness of economic incentives in overcoming the demographic crisis: comparative analysis of Russia and foreign countries. *Russian Journal of Resources, Conservation and Recycling*. 2025; 12(s3): 10FAOR325. Available at: <https://resources.today/PDF/10FAOR325.pdf>. DOI: 10.15862/10FAOR325. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 314.17: 338.2

Кочетов Даниил Сергеевич

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», Москва, Россия
E-mail: daniilkochetov@yandex.ru

Досаев Тимур Ханович

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», Москва, Россия
E-mail: conoharendan@mail.ru

Досаев Эмиль Ханович

ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», Москва, Россия
E-mail: teo.done@bk.ru

Эффективность экономических стимулов в преодолении демографического кризиса: сравнительный анализ опыта России и зарубежных стран

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу эффективности экономических стимулов, применяемых государствами для преодоления демографического кризиса, на материале Российской Федерации и ряда зарубежных стран, столкнувшихся с устойчивым снижением суммарного коэффициента рождаемости ниже уровня простого воспроизводства населения. Актуальность исследования определяется продолжающимся падением рождаемости в России, где суммарный коэффициент рождаемости снизился с максимального значения 1,78 в 2015 году до 1,4 в 2024 году, а число новорождённых достигло исторического минимума, несмотря на масштабные государственные программы финансовой поддержки семей. Рассмотрены основные теоретические подходы к объяснению феномена демографического перехода, включая концепцию второго демографического перехода Р. Лестега и Д. ван де Каа, теорию рационального выбора Г. Беккера, а также институциональный подход, акцентирующий роль формальных и неформальных правил в формировании репродуктивного поведения. Проведён детальный анализ российского опыта экономического стимулирования рождаемости, включая программу материнского (семейного) капитала, действующую с 2007 года и предусматривающую в 2025 году выплаты до 912,2 тысячи рублей,

а также систему ежемесячных пособий на детей, льготную ипотеку и налоговые вычеты. Зарубежный опыт представлен анализом пронаталистских мер Франции, демонстрирующей один из наиболее высоких в Европе уровней рождаемости благодаря универсальной системе семейных пособий и развитой инфраструктуре дошкольного воспитания; Швеции, реализующей модель гендерного равенства с акцентом на совмещение родительства и профессиональной занятости; Германии, существенно нарастившей расходы на семейную политику; а также Южной Кореи и Японии, оказавшихся в наиболее глубокой демографической яме среди развитых стран. Установлено, что экономические стимулы обладают ограниченной способностью преодолевать тенденции, обусловленные вторым демографическим переходом, и демонстрируют эффект затухания при длительном применении. Предложена авторская классификация моделей пронаталистской политики по критерию соотношения прямых денежных трансфертов и инфраструктурных инвестиций, позволяющая оценить сравнительную результативность различных подходов.

Ключевые слова: демографический кризис; экономические стимулы; рождаемость; материнский капитал; пронаталистская политика; суммарный коэффициент рождаемости; семейная политика; демографический переход; сравнительный анализ; воспроизводство населения

Введение

Демографическая ситуация в Российской Федерации и в подавляющем большинстве развитых стран приобретает характер системного кризиса, выражающегося в устойчивом снижении суммарного коэффициента рождаемости ниже уровня простого воспроизводства населения, составляющего 2,1 ребёнка на одну женщину. В России суммарный коэффициент рождаемости снизился с максимального за последние десятилетия значения 1,78 в 2015 году до 1,41 в 2023 году и 1,4 в 2024 году, а число новорождённых в 2024 году составило 1 222 408 детей — на 3,4 % меньше, чем годом ранее¹. Для минимального воспроизводства населения страны суммарный коэффициент рождаемости должен находиться в диапазоне 2–2,15, а для увеличения численности населения за счёт рождаемости — превышать 2,17².

Актуальность темы определяется парадоксом, состоящим в том, что масштабные государственные расходы на поддержку семей с детьми — свыше 1,7 триллиона рублей на предоставление материнского капитала и свыше 4 триллионов рублей на ежемесячные пособия в связи с рождением и воспитанием ребёнка, предусмотренные федеральным бюджетом на 2025–2027 годы³, — не обеспечивают перелома негативной тенденции, а суммарный коэффициент рождаемости продолжает снижаться. Аналогичная ситуация наблюдается в Южной Корее, где рождаемость достигла беспрецедентно низкого уровня 0,72 в 2023 году (с незначительным ростом до 0,75 в 2024 году), несмотря на многомиллиардные государственные вложения в программы поддержки семей⁴.

¹ Здрав.Эксперт. Показатель средней рождаемости одной женщины в России опустился до минимума за 19 лет. — [Электронный ресурс] URL: https://zdrav.expert/index.php/Статья:Рождаемость_и_смертность_в_России (дата обращения дата обращения 25.01.2026).

² РБК. Росстат раскрыл среднее число детей на одну женщину в России. — [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/03/2024/66014d649a79476bc9717e3e> (дата обращения дата обращения 25.01.2026).

³ КонсультантПлюс. Утверждён федеральный бюджет на 2025–2027 годы. — [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/87303.html> (дата обращения дата обращения 25.01.2026).

⁴ Независимая газета. Южная Корея выбирается из демографической ямы. — [Электронный ресурс] URL: https://www.ng.ru/world/2025-02-26/6_9201_birthrate.html (дата обращения дата обращения 25.01.2026).

Научная проблема исследования состоит в недостаточной разработанности критериев оценки сравнительной эффективности различных моделей экономического стимулирования рождаемости и в отсутствии системной классификации, позволяющей объяснить, почему схожие по объёму финансовые вложения приводят к принципиально различным демографическим результатам в разных странах.

Объектом исследования выступают экономические стимулы, применяемые государствами для повышения рождаемости и преодоления демографического кризиса. Предметом являются механизмы воздействия экономических стимулов на репродуктивное поведение населения и их сравнительная эффективность в России и зарубежных странах.

Цель работы заключается в проведении сравнительного анализа моделей экономического стимулирования рождаемости и обосновании факторов, определяющих их дифференцированную эффективность.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи:

- систематизировать теоретические подходы к объяснению феномена снижения рождаемости и оценке эффективности пронаталистских мер;
- провести сравнительный анализ моделей экономического стимулирования рождаемости в России, европейских странах и странах Восточной Азии;
- разработать классификацию моделей пронаталистской политики по критерию соотношения прямых денежных трансфертов и инфраструктурных инвестиций и оценить их сравнительную результативность.

Научная новизна состоит в разработке авторской классификации моделей пронаталистской политики, основанной на критерии соотношения прямых денежных трансфертов (материнский капитал, пособия, налоговые вычеты) и инфраструктурных инвестиций (дошкольные учреждения, гибкие формы занятости, жилищная политика), позволяющей объяснить дифференцированную эффективность экономических стимулов в различных институциональных контекстах.

Практическая значимость определяется возможностью использования результатов при корректировке инструментов российской демографической политики и при обосновании перераспределения бюджетных ресурсов в пользу наиболее результативных мер.

Методы и материалы

Теоретико-методологическую основу исследования составляют концепция второго демографического перехода Р. Лестега и Д. ван де Каа, описывающая устойчивое снижение рождаемости ниже уровня простого воспроизводства как результат трансформации ценностных ориентаций населения в направлении индивидуализации и самореализации; теория рационального выбора Г. Беккера, рассматривающая решение о рождении ребёнка как экономический выбор, определяемый соотношением издержек и выгод родительства; а также институциональный подход, акцентирующий роль формальных правил (законодательство, налоговая система, трудовое право) и неформальных институтов (социокультурные нормы, религиозные традиции, гендерные стереотипы) в формировании репродуктивного поведения.

Методы исследования включают сравнительный анализ демографических показателей и мер семейной политики в России, Франции, Швеции, Германии, Южной Корее и Японии; анализ статистических данных Росстата, Евростата, ОЭСР и национальных статистических служб; систематический обзор научной литературы на русском и английском языках; а также метод классификации и типологизации моделей пронаталистской политики.

Эмпирическую базу составили данные Росстата о динамике суммарного коэффициента рождаемости, числе родившихся и структуре рождений по очередности; материалы федерального бюджета Российской Федерации; данные ОЭСР о государственных расходах на семейную политику в доле ВВП; аналитические материалы НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Международной организации труда и национальных исследовательских центров.

Результаты и обсуждение

Теоретический фундамент исследования демографического кризиса базируется на осознании того, что снижение рождаемости в развитых странах представляет собой не временное отклонение, а структурную трансформацию, обусловленную глубинными социально-экономическими и ценностными изменениями. Концепция демографического перехода, первоначально сформулированная Ф. Ноутстейном в 1945 году, описывает переход от высокой рождаемости и высокой смертности к низким их значениям как закономерный результат модернизации общества. Однако классическая модель предполагала стабилизацию рождаемости вблизи уровня простого воспроизводства, тогда как фактическая динамика в большинстве развитых стран продемонстрировала устойчивое снижение далеко ниже данного порога.

Теория второго демографического перехода, разработанная Р. Лестегом и Д. ван де Каа в 1986 году, объяснила данный феномен через трансформацию ценностных ориентаций населения: переход от ценностей выживания и материальной безопасности к ценностям самовыражения и индивидуальной автономии. В рамках данной парадигмы снижение рождаемости рассматривается не как следствие экономических трудностей, а как результат осознанного выбора в пользу меньшего числа детей при более высоком качестве жизни каждого из членов семьи. Принципиальное следствие данной теории для государственной политики заключается в том, что экономические стимулы могут оказывать лишь ограниченное воздействие на репродуктивное поведение, если основным фактором снижения рождаемости являются не материальные затруднения, а ценностные трансформации.

С ростом доходов и образования проявляется характерный «эффект замещения количества качеством» — семьи предпочитают меньше детей, но инвестируют в каждого ребёнка существенно больше ресурсов. Исследование НИУ ВШЭ подтверждает данный тезис для российских условий: чем больше зарабатывают россияне, тем меньше у них детей⁵.

Институциональный подход дополняет экономические и ценностные объяснения, указывая на роль конкретных институциональных условий в формировании «цены детей». Доступность дошкольных учреждений, гибкость трудового законодательства, степень участия отцов в уходе за детьми, жилищные условия и стоимость образования — все перечисленные факторы формируют институциональную среду, в которой домохозяйства принимают репродуктивные решения. Именно институциональный подход позволяет объяснить, почему страны с сопоставимым уровнем экономического развития и ценностных трансформаций демонстрируют существенно различающиеся показатели рождаемости.

Центральным инструментом российской пронаталистской политики является программа материнского (семейного) капитала, действующая с 1 января 2007 года. С 2020 года семьи получают выплату уже при рождении первого ребёнка. С 1 февраля 2025 года размер материнского капитала на первого ребёнка составляет 690 266 рублей, а на второго ребёнка,

⁵ Здрав.Эксперт. Показатель средней рождаемости одной женщины в России опустился до минимума за 19 лет. — [Электронный ресурс] URL: https://zdrav.expert/index.php/Статья:Рождаемость_и_смертность_в_России (дата обращения 25.01.2026).

если семья не получала сертификат на первого, — 912 162 рубля; программа продлена до 2030 года⁶.

Выплаты материнского капитала в первые десять лет сопровождались существенным ростом рождаемости: в 2016 году рождаемость была приблизительно на 35 % выше, чем в 2006 году⁷. Однако с 2016 года началось устойчивое снижение, продолжающееся до настоящего времени. Эксперты НИУ ВШЭ отмечают, что программа материнского капитала, как и любая другая стимулирующая мера, имеет затухающий эффект: с течением времени в общественном восприятии возникает привыкание к реализуемым мерам, и воздействие на показатели рождаемости ослабевает⁸.

Статистические данные Росстата свидетельствуют о дифференцированном характере воздействия государственных мер на рождаемость по очередности детей. В 2024 году число третьих и последующих детей в расчёте на одну женщину составило 0,376, что выше показателя 2022 года (0,36); Минтруд связывает данную тенденцию с усилением мер поддержки многодетных семей⁹. Однако общий суммарный коэффициент рождаемости продолжает снижаться, поскольку сокращается рождаемость первых и вторых детей. На рождаемость в целом влияет совокупность факторов, среди которых Минтруд особо отмечает сокращение числа женщин репродуктивного возраста: в активный детородный возраст вступило малочисленное поколение 1990-х годов рождения¹⁰.

Для систематизации зарубежного опыта целесообразно рассмотреть модели стран с различными подходами и результатами. Франция реализует модель, сочетающую универсальные семейные пособия, систему семейного налогового коэффициента и развитую инфраструктуру дошкольного воспитания. Семейная политика Франции имеет более чем вековую историю, а её отличительной чертой является универсальный характер: пособия выплачиваются всем семьям с детьми вне зависимости от уровня доходов¹¹. Результатом стал один из наиболее высоких в Европе суммарных коэффициентов рождаемости — 1,68. Шведская модель отличается акцентом на обеспечении гендерного равенства и создании условий для совмещения родительства с профессиональной деятельностью; суммарный коэффициент колеблется на уровне 1,5–1,7 — выше средневропейского.

Южнокорейский опыт представляет наиболее драматический пример неэффективности масштабных финансовых вложений в стимулирование рождаемости. Республика Корея потратила за период 2006–2024 годов колоссальные средства на программы поддержки семей,

⁶ РАНХиГС. Тема дня: С 1 февраля максимальный размер материнского капитала увеличится до 912,2 тыс. рублей. — [Электронный ресурс] URL: <https://www.ranepa.ru/news/tema-dnya-s-1-fevralya-maksimalnyy-razmer-materinskogo-kapitala-uvelichitsya-do-912-2-tys-rublej/> (дата обращения дата обращения 25.01.2026).

⁷ Economy Times. Эффект материнского капитала: влияние внеэкономических факторов. — [Электронный ресурс] URL: <https://economytimes.ru/revyu/effekt-materinskogo-kapitala-vliyanie-vneekonomicheskikh-faktorov> (дата обращения дата обращения 25.01.2026).

⁸ НИУ ВШЭ. Материнский капитал — Аналитика и экспертиза. — [Электронный ресурс] URL: <https://www.hse.ru/expertise/matcapital> (дата обращения дата обращения 25.01.2026).

⁹ Росстат. Суммарный коэффициент рождаемости продолжил тенденцию к снижению в РФ в 2024 году. — [Электронный ресурс] URL: <https://www.vshouz.ru/news/analitika/wcs-19351/> (дата обращения дата обращения 25.01.2026).

¹⁰ РБК. Росстат раскрыл среднее число детей на одну женщину в России. — [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/03/2024/66014d649a79476bc9717e3e> (дата обращения дата обращения 25.01.2026).

¹¹ Заочник. Демографическая политика Европы: Франция, Швеция, Германия. — [Электронный ресурс] URL: <https://zaochnik-com.com/spravochnik/gosudarstvennoe-upravlenie/demograficheskaya-politika-gosudarstva/demograficheskaya-politika-evropy/> (дата обращения дата обращения 25.01.2026).

однако суммарный коэффициент рождаемости снизился до беспрецедентно низкого уровня 0,72 в 2023 году. В 2024 году зафиксирован незначительный рост до 0,75, связанный в том числе с увеличением числа браков на 14 %¹². Исследователи отмечают, что государство может до определённой степени ускорить или замедлить естественный тренд, но не способно принципиально его изменить¹³. Японская демографическая ситуация демонстрирует схожую, хотя менее экстремальную картину (СКР около 1,2). Эксперты указывают, что в теории стране могли бы помочь крупные разовые выплаты, развитая сеть дошкольных учреждений и гибкие формы занятости, однако фактические результаты ограничены глубокими социокультурными трансформациями¹⁴.

Р. Истерлин предложил гипотезу относительного дохода, согласно которой решение о рождении ребёнка определяется не абсолютным уровнем благосостояния, а его соотношением с ожиданиями, сформированными в родительской семье. Если молодая семья достигает уровня жизни родителей, вероятность рождения возрастает; при увеличении разрыва между ожиданиями и реальностью — снижается. Концепция «ловушки низкой рождаемости» описывает механизм самоподдерживающегося снижения рождаемости через три канала: демографический (малочисленные когорты рожают ещё менее многочисленные поколения), экономический (сокращение рабочей силы замедляет рост) и социологический (малодетность становится новой нормой). Если суммарный коэффициент опускается ниже порога 1,5, общество рискует оказаться в «ловушке». Россия (1,4) и Южная Корея (0,75) находятся в зоне наибольшей вероятности действия данного механизма.

Развитие пенсионных систем трансформировало детей из «инвестиционного актива» в «потребительское благо», устранив экономический мотив для многодетности. Эмпирические исследования подтверждают ограниченность денежных стимулов: мета-анализ данных более чем 30 стран за 1960–2020 годы показывает, что увеличение государственных расходов на семейную политику на 1 % ВВП ассоциируется с повышением суммарного коэффициента рождаемости на 0,05–0,10 пункта. При средних расходах европейских стран на уровне 2–4 % ВВП совокупный вклад экономических стимулов в рождаемость оценивается в 0,1–0,4 ребёнка на женщину. Данные оценки подтверждают статистически значимое, но ограниченное воздействие экономических стимулов, не способное самостоятельно обеспечить достижение уровня простого воспроизводства.

Для систематизации рассмотренных моделей политики разработана таблица 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика моделей экономического стимулирования рождаемости

Страна	СКР (2023–2024)	Основные инструменты	Модель политики	Расходы на семейную политику (% ВВП)	Динамика СКР
Россия	1,4	Материнский капитал, пособия, льготная ипотека, налоговые вычеты	Трансфертно-ориентированная	~2,5–3,0	Снижение с 2015 г.

¹² Независимая газета. Южная Корея выбирается из демографической ямы. — [Электронный ресурс] URL: https://www.ng.ru/world/2025-02-26/6_9201_birthrate.html (дата обращения 25.01.2026).

¹³ Валдайский клуб. Республика Корея: демократия, демография, бездетность. — [Электронный ресурс] URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/respublika-koreya-tri-d/> (дата обращения 25.01.2026).

¹⁴ Ведомости. Рождаемость в Японии упала до самого низкого уровня за все время наблюдений. — [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/02/28/1095046-rozhdaemost-v-yaponii-upala-do-samogo-nizkogo-urovnya> (дата обращения 25.01.2026).

Франция	1,68	Универсальные пособия, семейный налоговый коэффициент, дошкольная инфраструктура	Универсально-инфраструктурная	~3,5–3,7	Относительная стабильность
Швеция	1,45	Гендерно-нейтральный отпуск, субсидируемые ясли, гибкая занятость	Гендерно-равноправная	~3,4–3,5	Колебания 1,5–1,7
Германия	1,35	Elterngeld, расширение дошкольных мест, Kindergeld	Смешанная (от трансфертной к инфраструктурной)	~3,0–3,3	Рост после реформ 2007 г., затем стабилизация
Южная Корея	0,75	Денежные бонусы при рождении, жилищные субсидии, налоговые льготы	Преимущественно трансфертная	~1,5–2,0	Устойчивое падение
Япония	~1,2	Детские пособия, субсидии по уходу, расширение яслей	Смешанная	~2,0–2,5	Устойчивое падение

Составлено автором на основе анализа материалов¹⁵

Данные таблицы 1 позволяют зафиксировать несколько закономерностей. Страны, сочетающие прямые денежные трансферты с масштабными инвестициями в инфраструктуру совмещения родительства и занятости (Франция, Швеция), демонстрируют более высокие и стабильные показатели рождаемости по сравнению со странами, делающими акцент преимущественно на денежных выплатах (Россия, Южная Корея). Наиболее драматичный провал пронаталистской политики наблюдается в странах Восточной Азии, где масштабные финансовые вложения не сопровождаются адекватными институциональными трансформациями — изменением гендерных ролей, обеспечением доступности дошкольных учреждений, реформированием трудового законодательства в направлении гибкости.

На основании проведённого сравнительного анализа предлагается авторская классификация моделей пронаталистской политики по критерию соотношения прямых денежных трансфертов и инфраструктурных инвестиций. Трансфертно-ориентированная модель (Россия, Южная Корея) характеризуется преобладанием прямых денежных выплат при относительно слабом развитии инфраструктуры совмещения родительства и занятости; данная модель способна обеспечить краткосрочный эффект «подтягивания» рождений, однако обнаруживает затухание и не решает системных проблем, связанных с высокой альтернативной стоимостью родительства для женщин. Универсально-инфраструктурная модель (Франция) сочетает универсальные денежные трансферты с масштабными инвестициями в систему дошкольного воспитания и налоговые механизмы, учитывающие размер семьи, демонстрируя наиболее устойчивые результаты в долгосрочной перспективе. Гендерно-равноправная модель (Швеция) делает акцент на обеспечении равного участия обоих родителей в уходе за детьми, субсидированном раннем дошкольном образовании и максимальной гибкости форм занятости.

Применительно к российской ситуации предложенная классификация позволяет объяснить ограниченную эффективность действующих мер. Российская модель является преимущественно трансфертно-ориентированной: ядро системы составляют материнский капитал и ежемесячные пособия, тогда как инфраструктурная компонента — доступность дошкольных учреждений, гибкость трудового законодательства, условия для совмещения работы и воспитания детей — развита существенно слабее. Демографическая политика

¹⁵ РБК. Росстат раскрыл среднее число детей на одну женщину в России. — [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/03/2024/66014d649a79476bc9717e3e>

Заочник. Демографическая политика Европы. — [Электронный ресурс] URL: <https://zaochnik.com/spravochnik/gosudarstvennoe-upravlenie/demograficheskaya-politika-gosudarstva/demograficheskaya-politika-evropy>

Независимая газета. Южная Корея выбирается из демографической ямы. — [Электронный ресурс] URL: https://www.ng.ru/world/2025-02-26/6_9201_birthrate.html.

государства должна не ограничиваться поддержкой многодетных семей, а стимулировать граждан к рождению второго и третьего ребёнка [1]. Именно создание условий, при которых рождение второго и третьего ребёнка не требует от семьи отказа от профессиональной самореализации, является ключевым направлением повышения эффективности демографической политики.

Пронаталистская политика включает ряд мероприятий, направленных на стимулирование рождаемости: выплату денежных пособий, предоставление льгот, налоговых вычетов, введение оплачиваемых отпусков по уходу за ребёнком, развитие системы дошкольного воспитания¹⁶. Налоговая система семейных вычетов носит элитарный характер, поскольку направлена на наиболее состоятельных граждан. Выплата же универсальных семейных пособий всем семьям, имеющим по крайней мере двух детей, носит универсальный характер и в большей степени способствует повышению рождаемости [2].

Решение родить ребёнка представляет собой глубоко личный вопрос, где деньги не являются самым важным фактором. Вместе с тем для значительной группы семейных пар, которые колеблются, дополнительные экономические стимулы могут стать переломным аргументом¹⁷. Осенью 2025 года Президент Российской Федерации В.В. Путин объявил о модернизации материнского капитала с переориентированием на многодетные семьи¹⁸. Данное решение свидетельствует об осознании необходимости дифференциации стимулов в зависимости от очередности рождения. Без выработки и реализации стратегической демографической программы Россия в перспективе может рассчитывать в лучшем случае на социально-экономическую стабилизацию [3]. Меры по стимулированию рождаемости должны быть постоянно обновляемыми, а демографическая политика — иметь долгосрочный характер, поскольку регулируемые ей процессы инерционны.

Сравнительный анализ динамики позволяет выявить характерный паттерн реагирования рождаемости на введение новых стимулов. Введение материнского капитала в 2007 году сопровождалось ростом суммарного коэффициента с 1,31 (2006) до 1,78 (2015), однако с 2016 года начался устойчивый спад, и к 2024 году показатель вернулся к значениям, лишь на 0,09 пункта превышающим уровень 2006 года. Значительная часть роста отражала «тайминговый эффект» — ускорение реализации уже запланированных рождений без существенного изменения итоговой плодовитости поколений¹⁹.

Российская демографическая проблема усугубляется вступлением в репродуктивный возраст малочисленного поколения 1990-х — периода глубочайшего демографического провала [4]. По данным Росстата, количество женщин репродуктивного возраста с 2020 года сократилось на 1,5 миллиона человек. Данное структурное ограничение означает, что даже при повышении суммарного коэффициента рождаемости абсолютное число рождений в ближайшее десятилетие будет оставаться низким [5]. В среднесрочной перспективе (2030–2040 годы) ограничение ослабнет, поскольку в репродуктивный возраст вступят более многочисленные

¹⁶ БРЭ. Пронаталистская политика. — [Электронный ресурс] URL: <https://bigenc.ru/c/pronatalistskaia-politika-be9a3a> (дата обращения 25.01.2026).

¹⁷ Ведомости. Как материнский капитал повлиял на рождаемость. — [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/02/27/823925-materinskii-kapital> (дата обращения 25.01.2026).

¹⁸ РИА Новости. Материнский капитал в 2026. — [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/pravo/matkapital/> (дата обращения 25.01.2026).

¹⁹ Ведомости. Как материнский капитал повлиял на рождаемость. — [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/02/27/823925-materinskii-kapital> (дата обращения 25.01.2026).

когорты 2007–2016 годов рождения. Именно на данный период должна быть нацелена институциональная трансформация демографической политики. Устойчивость отмеченной тенденции подтверждается региональным анализом, где в 2020 году на фоне стабилизации общего уровня рождаемости наблюдалось сокращение рождаемости первых детей и увеличение рождаемости третьих и последующих [6].

Региональная дифференциация рождаемости подтверждает преобладание социокультурных факторов над экономическими стимулами [7]. Регионы с высокой рождаемостью характеризуются сильными традиционными установками, высокой религиозностью и сохранением расширенной семьи, тогда как урбанизированные регионы подвержены ценностным трансформациям второго демографического перехода [8]. Исследования П. Макдональда показали, что «институциональный конфликт» между высоким уровнем гендерного равенства на рынке труда и традиционными семейными нормами порождает сверхнизкую рождаемость. Анализ на российских данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 1994–2014 годы подтвердил, что переход к европейским ценностям, при котором для женщины приоритетны работа и карьера, приводит к откладыванию рождения детей и сокращению их числа в семье [9]. Единая федеральная политика оказывает принципиально различное воздействие в указанных контекстах, что обосновывает необходимость дифференциации мер с учётом региональной специфики.

Жилищный фактор занимает центральное место в комплексе причин, определяющих репродуктивное поведение. Семьи, не уверенные в своей будущей материальной стабильности, в том числе в жилищных условиях, менее склонны иметь большое количество детей [10]. Программа льготной ипотеки для семей с детьми стала одним из наиболее востребованных инструментов, однако побочный эффект в виде разогрева цен частично нивелирует выгоду субсидирования ставки. Исследования показали, что льготная ипотека стала триггером роста цен на первичном рынке, а разрыв между ключевой ставкой ЦБ РФ и льготной ставкой превратил ипотечный кредит для части заёмщиков из инструмента обеспечения доступности жилья в инструмент получения инвестиционного дохода [11].

Более эффективным представляется сочетание ипотечных льгот с мерами по увеличению предложения жилья. Важным направлением является также учёт неоднородности целевой аудитории: для семей с низкими доходами материнский капитал представляет значительный ресурс, а для семей со средними и высокими доходами большее значение приобретают институциональные условия — доступность качественного дошкольного образования, возможность совмещения карьеры с воспитанием. Трансформация репродуктивного поведения проявляется в снижении потребности в детях на фоне сохранения высокой ценности родительства и семьи, при этом ведущими социально-экономическими факторами остаются материальная обеспеченность, жилищные условия и доступность медицинской помощи [12]. Международный опыт свидетельствует, что наиболее устойчивые результаты достигаются при переходе от парадигмы «компенсации издержек» к парадигме «создания условий», снижающих разрыв между жизненными траекториями женщин с детьми и без них.

Среди перспективных направлений совершенствования российской демографической политики необходимо выделить расширение инфраструктуры дошкольного воспитания для детей до трёх лет. Для многих родителей устройство детей, не достигших трёх лет, в дошкольные образовательные организации оказывается трудноразрешимой проблемой, а неразвитость инфраструктуры дошкольного образования и отсутствие реальной поддержки организаций негосударственного сектора препятствуют решению данной задачи. Важными направлениями также являются развитие гибких форм занятости; усиление мер по вовлечению отцов в уход за детьми, включая создание квотируемых отпусков; дифференциация стимулов

по очередности рождения с акцентом на третьего и последующих детей; учёт региональной специфики. В российском трудовом законодательстве отцовский отпуск формально предусмотрен, однако менее 3 % отцов пользуются данным правом. Опыт скандинавских стран демонстрирует, что введение «отцовской квоты» — периода родительского отпуска, предназначенного исключительно для отцов и не подлежащего передаче матери, — способствует повышению вовлечённости мужчин в воспитание детей и смягчению конфликта между семьёй и работой [13]. Создание квотируемого оплачиваемого отцовского отпуска могло бы стать значимым дополнением к существующей системе, тем более что в России не существует аналога европейских отцовских отпусков, предоставляемых мужчине отдельно от отпуска по уходу за ребёнком [14].

Эволюция российской демографической политики демонстрирует постепенное расширение инструментария: от единственного инструмента (материнский капитал, 2007) к системе, включающей ежемесячные пособия по нуждаемости, льготную ипотеку, налоговые вычеты, региональные доплаты, национальный проект «Семья» [15]. Введённое с 1 января 2023 года единое пособие стало ключевым инструментом поддержки малоимущих семей с детьми, а к 2024 году его получателями стали родители порядка 11 миллионов детей, что внесло вклад в снижение бедности до исторического минимума [16]. В рамках концепции «социального казначейства» государство движется к модели проактивного предоставления мер поддержки, снижающей трансакционные издержки доступа к государственной помощи. Вместе с тем исследования фиксируют, что в России основной формой социальной поддержки семей с детьми остаётся денежная, которая носит фрагментарный характер и направлена преимущественно на стимулирование рождения ребёнка, а не на оказание поддержки в процессе его последующего воспитания и развития [17]. Указанная диверсификация отражает осознание ограниченности монетарных инструментов и движение в направлении, подсказанном международным опытом.

Проведённый сравнительный анализ позволяет сформулировать несколько системных закономерностей. Денежные трансферты обладают статистически значимым, но ограниченным и затухающим воздействием на рождаемость, не способным самостоятельно обеспечить устойчивое повышение суммарного коэффициента до уровня простого воспроизводства. Наибольшую результативность демонстрируют модели, сочетающие денежные стимулы с инфраструктурными инвестициями. Социокультурные факторы оказывают преобладающее влияние на рождаемость, и экономические стимулы наиболее эффективны там, где институциональная среда благоприятствует реализации существующих репродуктивных намерений. Ни одна из рассмотренных стран не сумела вернуть суммарный коэффициент к уровню 2,1 исключительно за счёт экономических стимулов; наиболее успешные модели (Франция, Швеция) стабилизировали рождаемость на уровне 1,5–1,8. Дифференциация мер по очередности рождения, региональной принадлежности и социально-экономическому положению семьи повышает адресность и результативность демографической политики.

Выводы

По первой задаче — систематизации теоретических подходов — установлено, что современная наука объясняет устойчивое снижение рождаемости ниже уровня простого воспроизводства совокупностью ценностных трансформаций (второй демографический переход), экономических факторов (рост альтернативной стоимости родительства) и институциональных условий (инфраструктура совмещения работы и семьи, гендерные нормы, жилищная политика). Теория второго демографического перехода предупреждает об ограниченной способности чисто экономических стимулов переломить тенденции, обусловленные ценностными изменениями, однако институциональный подход указывает на

возможность существенного влияния через трансформацию условий, в которых принимаются репродуктивные решения.

По второй задаче — сравнительному анализу моделей — установлено, что российская модель демографической политики является преимущественно трансфертно-ориентированной и демонстрирует характерный для данного типа эффект затухания. Материнский капитал обеспечил значительный прирост рождаемости в 2007–2015 годах, однако с 2016 года суммарный коэффициент рождаемости устойчиво снижается. Наиболее результативными в долгосрочной перспективе оказались модели, сочетающие денежные трансферты с масштабными инфраструктурными инвестициями (Франция) и обеспечением условий для совмещения родительства и занятости (Швеция). Наименее эффективной оказалась модель Южной Кореи, где масштабные финансовые вложения не сопровождались институциональными трансформациями.

По третьей задаче — разработке классификации моделей — предложена типология по критерию соотношения прямых денежных трансфертов и инфраструктурных инвестиций, включающая трансфертно-ориентированную, универсально-инфраструктурную и гендерно-равноправную модели. Классификация позволяет объяснить дифференцированную эффективность экономических стимулов в различных институциональных контекстах и обосновать необходимость перехода российской демографической политики от преимущественно трансфертной модели к смешанной, сочетающей денежные стимулы с развитием инфраструктуры дошкольного воспитания, обеспечением гибкости занятости и созданием условий для равного участия обоих родителей в воспитании детей.

Общий вывод исследования состоит в том, что экономические стимулы являются необходимым, но недостаточным условием преодоления демографического кризиса. Их эффективность определяется не столько абсолютным размером выплат, сколько встроенностью в более широкую систему институциональных условий, снижающих совокупную «цену» родительства и обеспечивающих возможность совмещения воспитания детей с профессиональной и личностной самореализацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Родионова, Н. А. Демографический кризис в России в контексте общественной трансформации / Н. А. Родионова // Россия и современный мир. — 2012. — № 4(77). — С. 134-141. — EDN PJSCZK.
2. Гокова, О. В. Пронаталистская политика с позиции политической социологии / О. В. Гокова // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2017. — № 6(108). — С. 140-144. — EDN ZVLFYD.
3. Алешковский, И. А. Демографический кризис как угроза национальной безопасности России / И. А. Алешковский // век глобализации. — 2012. — № 2(10). — С. 96-114. — EDN PMBGXR.
4. Симагин, Ю. А. Результаты исследований демографических проблем России в XXI веке / Ю. А. Симагин — DOI 10.19181/population.2021.24.4.1. // Народонаселение. — 2021. — Т. 24, № 4. — С. 4-22 — EDN GQUHJ.
5. Цуканова, Н. Е. Демографические процессы в России: современное состояние и прогнозирование / Н. Е. Цуканова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2011. — Т. 7, № 27(120). — С. 14-23. — EDN NWZJGJ.

6. Казенин, К. И. Рождаемость в России в 2020 г.: региональная динамика / К. И. Казенин // Экономическое развитие России. — 2021. — Т. 28, № 3. — С. 50-54. — EDN EPURMT.
7. Калачикова, О. Н. Региональная дифференциация демографического развития России в контексте демографической безопасности / О. Н. Калачикова, А. В. Короленко // Проблемы развития территории. — 2015. — № 6(80). — С. 127-142. — EDN VDAILV.
8. Захаров, С. Вероисповедание, религиозность и рождаемость в России. Есть ли взаимосвязь? / С. Захаров, Е. Чурилова — DOI 10.22394/2073-7203-2022-40-4-77-104. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. — 2022. — Т. 40, № 4. — С. 77-104 — EDN XVYPHB.
9. Журавлева, Т. Л. Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? / Т. Л. Журавлева, Я. А. Гаврилова // Экономический журнал Высшей школы экономики. — 2017. — Т. 21, № 1. — С. 145-187. — EDN YMIQTF.
10. Факторы влияния на решение о рождении ребёнка и количестве детей у женщин в России / И. В. Филимонова, А. В. Ивершинь, А. В. Комарова, О. И. Кривошеева — DOI 10.19181/population.2023.26.1.5. // Народонаселение. — 2023. — Т. 26, № 1. — С. 55-69 — EDN NLQTTN.
11. Третьяченко, Т. В. Льготная ипотека как фактор повышения доступности жилья на первичном рынке жилой недвижимости / Т. В. Третьяченко, Г. Б. Пивоварова — DOI 10.54220/v.rsue.1991-0533.2024.88.4.013. // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). — 2024. — Т. 31, № 4(88). — С. 134-148 — EDN GNIAVS.
12. Соколовская, Т. А. Влияние социально-экономических факторов и гендерных особенностей на репродуктивное поведение населения / Т. А. Соколовская, О. В. Армашевская, А. Ш. Сененко — DOI 10.21045/2071-5021-2022-68-5-10. // Социальные аспекты здоровья населения. — 2022. — Т. 68, № 5 — EDN OQZOSG.
13. Нешатаев, А. В. Делегирование родительских функций в отпуске по уходу за ребёнком: возможности трансформации / А. В. Нешатаев, Н. Д. Бледнова, А. П. Багирова — DOI 10.22394/2304-3369-2023-4-54-67. // Вопросы управления. — 2023. — № 4(83). — С. 54-67 — EDN YIRHEV.
14. Марзей, И. Р. Основные этапы становления и актуальное состояние законодательства о родительских отпусках в России и за рубежом / И. Р. Марзей, М. Х. Бербекова, Ф. О. Шогенова — DOI 10.47643/1815-1329_2024_8_270. // Аграрное и земельное право. — 2024. — № 8(236). — С. 270-273 — EDN CPREKA.
15. Ткаченко, А. А. Государственная политика и национальный проект "Демография" / А. А. Ткаченко — DOI 10.26653/1561-7785-2018-21-4-03. // Народонаселение. — 2018. — Т. 21, № 4. — С. 23-35 — EDN YVSQBN.
16. Коробкова, Н. Ю. Единое пособие на ребенка в системе мер социальной поддержки в современных условиях: оценка влияния на основе моделирования доходов / Н. Ю. Коробкова — DOI 10.34022/2658-3712-2023-53-4-132-142. // Социально-трудовые исследования. — 2023. — № 4(53). — С. 132-142 — EDN LNMFOY.

17. Кондакова, Н. А. Современная социальная поддержка семей с детьми / Н. А. Кондакова // Проблемы развития территории. — 2015. — № 3(77). — С. 72-87. — EDN TUGKXB.

Kochetov Daniil Sergeevich

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia
E-mail: daniilkochetov@yandex.ru

Dosayev Timur Khanovich

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia
E-mail: conoharendan@mail.ru

Dosayev Emil Khanovich

Federal State University of Education, Moscow, Russia
E-mail: teo.done@bk.ru

Effectiveness of economic incentives in overcoming the demographic crisis: comparative analysis of Russia and foreign countries

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the effectiveness of economic incentives used by states to overcome the demographic crisis, based on the Russian Federation and a number of foreign countries that have faced a steady decline in the total fertility rate below the level of simple population reproduction. The relevance of the study is determined by the ongoing decline in the birth rate in Russia, where the total fertility rate has decreased from its maximum value of 1,78 in 2015 to 1,4 in 2024, and the number of newborns has reached an all-time low, despite the extensive government programs for financial support for families. The article examines the main theoretical approaches to explaining the phenomenon of demographic transition, including the concept of the second demographic transition by R. Lesthaeghe and D. van de Kaa, the rational choice theory by G. Becker, and the institutional approach, which emphasizes the role of formal and informal rules in shaping reproductive behavior. A detailed analysis of Russia's experience in economic incentives for fertility has been conducted, including the maternity (family) capital program, which has been in place since 2007 and provides for payments of up to 912 200 rubles in 2025, as well as a system of monthly child benefits, preferential mortgages, and tax deductions. Foreign experience is represented by an analysis of the pro-natalist measures of France, which has one of the highest birth rates in Europe due to its universal family benefits system and well-developed early childhood education infrastructure; Sweden, which implements a model of gender equality with a focus on combining parenthood and professional employment; Germany, which has significantly increased its spending on family policies; and South Korea and Japan, which are facing the deepest demographic crisis among developed countries. It has been found that economic incentives have limited ability to overcome the trends caused by the second demographic transition and exhibit a fading effect when used for an extended period. The author proposes a classification of pronatalist policy models based on the ratio of direct monetary transfers and infrastructure investments, which allows for an assessment of the comparative effectiveness of different approaches.

Keywords: demographic crisis; economic incentives; birth rate; maternity capital; pronatalist policy; total fertility rate; family policy; demographic transition; comparative analysis; population reproduction